

Борис Вайнер

Как для взрослых. Только труднее

о переводе стихов для детей

63

Любой литератор понимает, что при переводе детской поэзии, как и при её создании, нужно учитывать психологические особенности читателя, относящегося к иной возрастной группе. Добавим к этому, что формальную задачу переводчик таких стихов – как и собственно детский поэт – вынужден решать в условиях гораздо большего числа ограничений (по лексике, синтаксису, стилистике и т. д.).

Кроме того, профессиональный переводчик «ловит» уровень «детскости» авторской манеры, что называется, «на автомате». И если обнаруживает, например, избыточную метафорику или витиеватые синтаксические обороты, то может – разумеется, максимально тактично – «уточнить» поэта; иногда достаточно просто поставить точку, а не запятую между частями предложения. Чем больше у него такого рода опыта, тем естественней «машинка в голове» (по выражению Юнны Мориц) работает именно в режиме детского стихотворения, не отходя в сторону письма взрослого, то есть не умничая, – но и не впадая в банальность. Что, само собой, не исключает принятия и сверхновой авторской метафоры, и особо сложного предложения – если конкретное произведение этого требует. Так переведён Маршаком «Дом, который построил Джек», где не чувствуется никакого избытка придаточных, ибо эта конструкция строго мотивирована.

Что касается общих моментов взрослого и детского перевода, то сходство более чем очевидно.

Есть в английской детской поэзии стихи, которые знает практически всякий подданный Объединённого Королевства. Скажем, стихотворение про паучка Ипси-Випси из знаменитого сборника английского детского фольклора «Песенки Матушки Гусыни»:

**Ipsy-Wipsey spider
Climbing up the spout;
Down came the rain
And washed the spider out:**

**Out came the sunshine
And dried up all the rain;
Ipsy-Wipsey spider
Climbing up again.**

Вот одна из русскоязычных версий, принадлежащая детскому поэту и переводчику Александру Маршаку (внуку Самуила Маршака):

**Ипси-Випси паучок
Лез тихонько на сучок;
Только дождик вдруг полил,
Паучка на землю смыл;**

**Появился солнца свет –
И нигде уж капель нет;
Ипси-Випси паучок
Снова лезет на сучок.**

(Перевод А. Маршака)

Недостатки здесь очевидны, скажу о нескольких.

Наречие «тихонько», сиречь обстоятельство образа действия, в первой строфе излишне, вставлено для размера и ничего не означает, поскольку ни сюжетно, ни «атмосферно» не важно, тихо или шумно он туда лез (к тому же оно отсутствует у автора, хотя само по себе это не говорит о том, что перевод плох). «Солнца свет» – ненужная и неуклюжая, особенно для детского стихотворения, инверсия; к тому же здесь имеется и момент тавтологии.

Ни в какие ворота не лезет (да простится мне невольный каламбур) просторечное «уж», проистёкшее из необходимости заполнить строку и породившее стилевой разнобой – больше нигде в этих восьми строчках просторечие не поддерживается. Добавлю, что упомянутые переводчиком капли – слабая замена дождю, ибо они как таковые не представляют для героя серьёзной проблемы.

Вот ещё одно известное каждому мало-мальски образованному британцу стихотворение. Александр Поп. Надпись для ошейника собаки, подаренной Принцу Уэльскому:

**I am His Highness' dog at Kew;
Pray tell me, sir, whose dog are you?**

Стихи эти скорее сатирические, род политической эпиграммы. Тем не менее, они – благодаря изобретательности художников, рисовавших данный сюжет не как воображаемый разговор собаки с человеком, а как встречу двух породистых псов – давно вошли и в детский литературный обиход.

**Я Принца крови чистокровный пёс.
А Вы-то чей, простите за вопрос?**

(Перевод С. Маршака)

В начальной строке, на мой взгляд, многовато крови – хотя понятно, что именно на этой словесной игре переводчик строчку и построил. Оригинал при этом совершенно «не кровав»: автору для убедительности высказывания было достаточно «принца», без дополнительной поддержки статуса столь сильным словом, как «кровь». Что ка-

сается строки заключительной, то это прямое отступление от авторского хода – обращения к собеседнику «вежливого по форме, но издевательского по существу» – да и просто от логики. Если в самом начале строки звучит пренебрежительное «А Вы-то чей?», то дальше можно не читать, вежливости уже нет, доверие читателя утрачено. У автора же интрига сохраняется до последнего слова.

**Я пёс Его Высочества, терьер,
А Вы, простите, чья собака, сэр?**

(Перевод В. Васильева)

Порода пса в данном тексте не имеет значения, и возникший откуда-то «терьер» (а почему, скажем, не мастиф или болонка?) только уводит мысль в сторону. Со второй строкой можно было бы согласиться, но всё же три запятых на шесть её слов (у автора стихотворения – две) явно избыточны, и спотыкающаяся речь не идёт на пользу ни смыслу, ни звуку.

Выводы из этого небольшого разбора, мне кажется, следуют очень простые. Детской поэзии как предмета заведомо упрощённого в природе нет вообще (если не причислять к поэзии прикладные тексты в рифму). Просто там, где взрослый поэт переводит героя «через майдан», детский ведёт его через ручей. Или через листок. Перевод детских стихов подчиняется тем же самым правилам, и формальным, и содержательным. Специфические правила тоже имеют место, но их значительно меньше, нежели общих, и перелагая детского поэта Уолтера де ла Мэра мы будем сталкиваться преимущественно с теми же необходимостями и закономерностями, что и при переводе Байрона или Китса.

В заключение – маленькая задачка для читателей «Казанского альманаха». Поскольку автор этой статьи тоже имел дело со стихами, переводы коих подверглись разбору выше, любителям поэзии предлагается самим оценить достоинства и недостатки его вариантов.

ИПСИ-ВИПСИ*(из «Песенок Матушки Гусыни»)*

Ипси-Випси,
Паучка,
Смыло дождиком
С листка.

В небе солнце
Засияло.
Солнце тучку
Испугало.

Тучка мчится
Наутёк,
Ипси-Випси –
На листок!

НАДПИСЬ
для ошейника собаки,
подаренной Принцу Уэльскому
(из А. Попа)

Я – Принца пёс от ног до головы.
Простите, сэр: а чья собака Вы?

Переводчик – это толмач или соавтор?

Анкета

1. Известно, что среди переводчиков есть «буквалисты» (то есть те, кто держится при переводе «буквы» текста) и «вольники» (уходящие от «буквы» с тем, чтобы вернее передать дух текста или улучшить его). Какая позиция вам ближе? И почему?

Если говорить о художественном переводе, то я убеждённый «вольник». Полагаю, что сверхзадачей – употреблю термин Станиславского – переводчика является создание такого текста, который произвёл бы в иной языковой среде то же впечатление, то же действие, какое первичный текст производит на «родную» аудиторию. А для этого переводчику очень часто необходимо «отойти, чтобы вернее попасть». Хотя здесь, разумеется, есть свои правила, свои разрешения и ограничения. Хороший «вольник» свою свободу обращения с текстом не абсолютизирует.

